

WERONIKA JELEŃSKA

 <https://orcid.org/0000-0003-2438-6852>

Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu

МОТИВ НАДЕЖДЫ В РАССКАЗЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ *АЛИСА ПОКУПАЕТ СМЕРТЬ*

THE THEME OF HOPE IN LUDMILA ULITSKAYA'S SHORT STORY *ALICE BUYS DEATH*

The article focuses on the analysis of Lyudmila Ulitskaya's short story *Alice buys death* in the context of the category of hope. The Russian writer's new collection of short stories is strongly imbued with philosophical questions about existence and non-existence. The current theme of hope strongly resonates in one of the stories in this collection, as evidenced by the following article. In the story *Alice buys death*, Ulitskaya used conventions typical of her work. The story's main characters are "little people," shown at the moment of crossing the border of life and death. Our analysis proved that the category of hope, which is often used in literature, was also reflected on many levels in the work of the Russian writer. The main driving force of the story is love in its many manifestations, and the coming death gives hope for a new, transpersonal, more philosophical sense.

Keywords: Russian Literature, short stories, Lyudmila Ulitskaya, *Alice buys death*, hope

Имя Людмилы Евгеньевной Улицкой (род. 1943) тесно связано с современной российской литературой. Широкий читательский интерес к ее творчеству, а также отзывы критиков являются подтверждением признания ее таланта.

Несмотря на то, что литературная критика довольно часто задумывается к какому направлению относятся рассказы Улицкой, исследователи очень часто включают их в ряд философско-бытовых произведений, поскольку они рассказывают о повседневной жизни с ее сложностями, одновременно затрагивая серьезную проблему ответственности за всех людей, находящихся в нашем окружении¹. Не случайно Галина Ермошина отмечает, что

¹ Ю.В. Коврига, *Особенности осмысления творчества Людмилы Улицкой современной критикой*, <https://md-eksperiment.org/post/20190120-osobnosti-osmysleniya-tvorchestva-lyudmily-ulickoj> (17.11.2022).

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ КАТЕГОРИИ НАДЕЖДЫ...

Улицкая — мастер бытописания. Ее эпопеи последовательно и подробно прослеживают житие главного персонажа, вместе с ним — историю всего рода данного индивида².

Героями произведений российской писательницы являются обычные люди, живущие по соседству: родственники, друзья, дети, старики — то есть «маленькие люди»³, точнее те, кто находится в тени: нищие, инвалиды, больные, умственно отсталые или гомосексуалисты⁴. Улицкая посвящает свои произведения анализу биологии поведения главных героев, не осуждая их и не давая морализаторских советов⁵, совмещая жанр семейного романа с оптикой женской прозы и ее «физиологической экспрессией»⁶.

На наш взгляд, при анализе новейшего творчества автора *Сонечки*, нельзя забывать о проявлении в нем нового сентиментализма, как на уровне структуры текста, так и сквозь авторское мирозерцание, поскольку кажется, что до сих пор «связь ее творчества с этим течением чаще констатируется, чем становится предметом анализа»⁷. Нельзя упускать из виду того, что среди многих отличительных особенностей творчества Улицкой, критики выделяют философскую глубину ее рассказов и романов, которая тесно связана именно с сентиментальным натурализмом, свойственным современной российской литературе⁸. Более того, по утверждению Лейдермана и Липовецкого, неосентиментализм особое значение приобрел благодаря женской прозе в которой заново осуществляется образ «маленького человека», тесно замкнутого в своем мире, ибо «еще не готов к самосознанию, он целиком замкнут в эмоционально-физиологической

² Г. Ермошина, *Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света*, «Знамя» 2000, № 12, с. 201.

³ Там же, с. 201.

⁴ М. Knurowska, *Герои этнически «другие» в рассказах Людмилы Улицкой*, «Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis 154. Studia Russologica» 2013, № 6, с. 91.

⁵ Ю. В. Коврига, *Особенности осмысления творчества...*

⁶ Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий (ред.), *Современная русская литература 1950–1990-е годы в двух томах*, т. 2: 1968–1990, Академия, Москва 2003, с. 530.

⁷ Т. Г. Прохорова, *К вопросу о неосентиментализме в современной русской прозе (на материале творчества Л. Улицкой и Л. Петрушевской)*, «Дергачевские чтения — 2011» 2012, т. 2, с. 308.

⁸ Там же, с. 565.

сфере»⁹. В связи с этим немаловажным представляется замечание литературоведов, что в рамках современной российской прозы Улицкая сумела создать свое пространство для женщин, которые вовсе не показаны сквозь призму русской патриархальной традиции¹⁰. При поиске своей ниши в литературе писательница рисует весьма богатую «галерею женских образов нашего времени»¹¹, пополненную героинями, представленными в сборнике *О теле души. Новые рассказы* (2019), где мастер «прозы нюансов» раскрывает тему, к которой она шла долгие годы, описывая свое представление о душе и теле, как о неразделимом целом.

Состоящий из тринадцати рассказов и стихотворений сборник объединяет одна тематика, которая на данный момент очень интересует российскую писательницу. Стоит отметить, что в контексте новейшего творчества Улицкой исследователи говорят о созданной ею «новой прозе»¹², наполненной «новой тематикой, интерпретацией традиций западноевропейского романтизма, реконструкцией философских смыслов семантики текста»¹³. Трудно не согласиться с критиками, поскольку сама писательница подчеркивает, что спустя более 20 лет вернулась к написанию рассказов, которые «довольно сильно отличаются от тех, что я писала несколько десятилетий тому назад»¹⁴. В сборнике *О теле души. Новые рассказы* Улицкая рассказывает читателям о жизни, неразрывно связанной со смертью, так как тема смерти на данный момент ее «довольно сильно занимает»¹⁵. И хотя включенные в сборник произведения, повествуют прежде всего о «смерти в новом эстетическом ключе»¹⁶, в них также

⁹ Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий (ред.), *Современная русская литература: в 3 кн.*, кн. 3: *В конце века (1986–1900-е годы)*, Эдиториал УРСС, Москва 2001, с. 84.

¹⁰ А.Ш. Абдуллина, Е.Э. Латыпова, *Женские образы в прозе Л. Улицкой*, «Вестник Челябинского государственного университета» 2017, № 3 (399), с. 8.

¹¹ Там же.

¹² С.В. Желобцова, С.Н. Барашкова, *Особенности повествовательной структуры новой прозы Людмилы Улицкой*, «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова» 2021, № 3 (83), с. 69.

¹³ Там же.

¹⁴ Л.Е. Улицкая, *Людмила Улицкая рассказывает о книге «О теле души. Новые рассказы»*, <https://www.youtube.com/watch?v=tKhxwaTfGFw> (17.11.2022).

¹⁵ Там же (17.11.2022).

¹⁶ С.В. Желобцова, С.Н. Барашкова, *Особенности повествовательной структуры...*, с. 70.

находятся размышления о границах тела и души, любви и отчуждения, страсти и одиночества, жизни и смерти, поскольку, на наш взгляд, взаимодействие натуралистического и сентименталистского дискурсов осуществляется в творчестве Улицкой через парадоксальность (по подобию Людмилы Петрушевской)¹⁷. Вместе с тем писательница показывает главных героев рассказов в переломный момент их жизни, то есть, когда они находятся на грани бытия, и небытия и именно когда особое значение для них приобретает надежда.

Цель данной статьи — проанализировать рассказ Людмилы Улицкой *Алиса покупает смерть* из указанного выше сборника, обращая внимание на внутреннюю игру категорий жизни и смерти, выбора и необходимости, а также любви и одиночества, стимулируемые надеждой, которая понимается как «пространство для активности» и из которой «вырастает возможность нового начала»¹⁸.

Надежда, давно нашедшая свое отражение в художественных произведениях, на протяжении веков получила множество интерпретаций, доказательством чего представляются современные исследования роли этой категории как в литературе, так и в жизни человека, которые по-разному толкуют это понятие¹⁹. Однако в данной статье ограничимся пониманием надежды в свете новейших утверждений Ребекки Солнит, задающих, по нашему мнению, перспективу изучения надежды в жизнеутверждающем ключе, ибо американская писательница отчетливо выражает свое мнение, констатируя, что надежда не является слепой и наивной верой в светлое будущее, а широкой перспективой, строго определенной возможностью и даже обязанностью, побуждающей к действию²⁰. Полагаем, что надежду следует рассматривать также в ключе универсалий

¹⁷ Подробнее о парадоксальности и абсурде в творчестве Петрушевской см.: Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий (ред.), *Современная русская литература 1950–1990-е годы в двух томах*, т. 2 1968–1990, Академия, Москва 2003, с. 610–616; Т. Г. Прохорова, О «сентиментальном натурализме» в прозе Л. Петрушевской, «Ученые записки казанского государственного университета» 2008, т. 150, кн. 6, с. 77–86.

¹⁸ S. Rebecca, *Nadzieja w mroku. Nieznane opowieści, niebywale możliwości*, przekł. A. Dzierzgowska, S. Królak, Karakter, Kraków 2019, s. 10–11.

¹⁹ Е. С. Кононова, *Об эволюции понятия надежды*, «Научные ведомости» 2010, № 20 (91), с. 226.

²⁰ S. Rebecca, *Nadzieja w mroku...*, с. 10.

культуры²¹, выработанном на протяжении веков в литературе, убеждающей нас в том, что надежда — великая ценность, помогающая людям преодолевать сложные моменты и препятствия, находить ценность и смысл жизни. Нельзя не упомянуть, что надежда принадлежит к главным компонентам человеческого функционирования и представляется незаменимым элементом существования, который позволяет пройти через трудные жизненные моменты или мотивировать индивида к принятию мер, направленных на осуществление его желаний и потребностей. Поскольку совершая что-либо сознательно или неосознанно, человек всегда настроен на положительный результат, за который борется до конца, о чем свидетельствует хотя бы пословица «Надежда умирает последней». Поэтому, опираясь на мнение Вацлава Гавела, понимаем эту универсалию, как своеобразный стимулятор, имеющий духовное измерение и нацеленный на наше сердце, наш дух²².

Не случайно Омарбекова относит надежду к важнейшим экзистенциалам, характеризующим человеческую жизнь, поскольку в сюжетный фокус произведения *Алиса покупает смерть* попала история, основанная именно на трех общечеловеческих и библейских ценностях: вере, надежде и любви, которые «укореняют человека в мироздании»²³. По словам Варвары Буколовой, Улицкая очень часто обращается в своем творчестве к прецедентным текстам, преимущественно к Священному Писанию²⁴. Подобная интертекстуальность встречается также в романах *Зеленый шатер* (2010), *Лестница Якова* (2015) и в более ранних произведениях автора *Сонечки*²⁵. Катажина Васиньчук подчеркивает, что ссылки на христианскую символику в прозе Улицкой составляют основу антропологии писательницы, взгляды которой на человека совпадают с христианской концепцией человеческой личности²⁶. Однако стоит

²¹ Е. С. Кононова, *Об эволюции понятия надежды...*, с. 227.

²² H. Václav, *Disturbing the Peace: A Conversation with Karel Hvizdala*, пер. P. Wilson, Alfred A. Knopf, New York 1990, с. 181.

²³ С. В. Омарбекова, *Вера, надежда и любовь как экзистенциалы человеческого бытия*, «Система ценностей современного общества» 2010, № 11, с. 20.

²⁴ В. С. Вуколова, *Литературоцентричность прозы Людмилы Евгеньевны Улицкой (интертекстуальный аспект)*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тамбов 2017, с. 52.

²⁵ Там же.

²⁶ K. Wasińczuk, *В объятиях жизни, за пределами смерти. Антропологические и духовные аспекты прозы Людмилы Улицкой (Казус Кукоцкого, Даниэль*

помнить, что тексты автора *Сонечки* богаты не только библейскими мотивами, но и элементами, общими для других религий, например, иудаизма и буддизма, в результате чего часто переплетающиеся в произведениях Улицкой религиозные и мистические мотивы позволяют открыть духовный мир героев²⁷.

Следует отметить, что анализируемый рассказ размещен в первой части сборника *О теле души...* под заглавием *Подружки*. Именно истории, включенные в эту часть, пропитаны событиями, основными мотивами которых представляются дружба и любовь в разных обличьях. Более того, любовный сюжет является также главной темой интересующего нас произведения, являющегося, при том, самым оптимистичным из всех, поскольку в нем раскрывается сила любви и новой жизни, символом которой является внучка главной героини. Вместе с тем нельзя не признать, что в рассказе *Алиса покупает смерть*, жизнеутверждающая категория надежды представлена многогранно, поэтому может быть рассмотрена в разных ракурсах, ибо она — категория индивидуализированная, касающаяся личных и интимных дел отдельного человека²⁸.

Главной героиней произведения является шестидесятичетырехлетняя Алиса Федоровна, которая долгие годы «работала инженером-чертежником»²⁹, а потом более десяти лет провела на пенсии. Алиса, оставшись в свои двадцать лет без родителей, не имея при себе никого из родственников, выбрала жизнь по своим правилам, не желая ни с кем ее делить. Это недоверие, прежде всего к мужчинам, сформировалось в ней под влиянием вечно влюбленной мамы, которая могла отдать своим любовникам все свое имущество. С момента смерти матери,

Алиса со своей недопроявившейся блеклой прелестью, презирая и стыдясь материнской чрезмерности чувств, поклялась, что никогда не станет, как мать, игрушкой этих животных. Она и не стала. Не тягостное монаше-

Штайн, Переводчик) // W. Supa, E. Pańkowska (ред.), *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia przyszłości*, Białystok 2018, с. 73, <http://hdl.handle.net/11320/11491> (17.11.2022).

²⁷ Там же.

²⁸ R. Strzelecki, *Nadzieja chrześcijańska w ponowoczesnym świecie (istota-utrata-przywracanie)*, «Dydaktyka polonistyczna» 2019, № 5 (14), с. 7.

²⁹ Л. Е. Улицкая, *Алиса покупает смерть* // Л. Е. Улицкая, *О теле души. Новые рассказы*, АСТ, Москва 2019, с. 16.

ство, а редкие незначительные романы, уравнивающие ее со сверстницами в жизненном опыте³⁰.

Не желающая повторять ошибок своей мамы главная героиня более шестидесяти лет прожила без партнера, выбрав жизнь в одиночестве. Надежду и веру в настоящую любовь она обрела только в возрасте шестидесяти четырех лет, когда «ни с того ни с сего в собственной квартире, возле собственной тахты»³¹ потеряла сознание. С этого момента она стала думать о своей приближающейся смерти и вызванном ей чувстве страха. Таким образом начинается духовный путь Алисы, проходящей через размышления философско-бытийной природы и сталкивающейся с жизненными выборами, в основе которых лежит побуждающая к действию надежда. Немаловажно, что появившаяся в начале рассказа смерть являет не только «зародышем» сюжета, но и механизмом мыслей, эмоций и решений героев. Это не случайно, поскольку категория смерти тесно связана с надеждой, что отразилось в религиозных концепциях, например, в христианской концепции воскресения, которая позволяет человеку преодолеть страх смерти³². Мало того, совершенно человеческим и понятным является чувство тревоги перед моментом ухода, поэтому не удивительно, что главная героиня рассказа пыталась уберечь себя от смерти задолго до ее прихода.

Желая разыскать врача, который мог бы назначить ей сильную дозу лекарства для того, чтобы «приготовить заранее [...] такое снотворное, чтобы выпить и не проснуться»³³, она в итоге нашла любовь, давшую ей «чувство полного доверия к мужчине [...]»³⁴. Стимулируемая надеждой «подлинная любовь» способна «победить смерть»³⁵, начинает в рассказе «играть» со смертью, формируя напряженность взаимно дополняющих друг друга оппозиций, ибо Александр Ефимович — семидесятилетний врач дал Алисе надежду не только на счастливую смерть, но и на счастливую жизнь.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² В. Г. Кузнецов (ред.), *Словарь философских терминов*, INFRAM, Москва 2007, с. 517.

³³ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 17.

³⁴ Там же, с. 19.

³⁵ В. Г. Кузнецов (ред.), *Словарь философских терминов...*, с. 517.

Здесь стоит обратить внимание на еврейское происхождение Александра, что характерно для произведений российской писательницы, которая сама «по крови — еврейка»³⁶. По словам Моника Кнуровской, эта отличительная черта прозы Улицкой заключается в религиозном эклектизме, благодаря которому писательница пытается из элементов различных религиозных традиций — в частности, христианства и иудаизма — а также этических норм, создать некую универсальную иерархию нравственных ценностей, действующих в человеческих отношениях³⁷. При анализе сочинения писательницы, нельзя забывать, что «вопрос иудео-христианства в творчестве Людмилы Улицкой не является новой исследовательской задачей»³⁸. Стоит также подчеркнуть факт постижения смерти в иудейской культуре, как последнего этапа человеческой жизни, которые (и жизнь и смерть), данные Богом, оба хороши³⁹. Человек, созданный из праха, должен вернуться в землю, поскольку смерть не является ни Божьим приговором, ни наказанием, а частью творения⁴⁰.

Любовь, которая родилась между Алисой и Александром, — двигатель и жизни и смерти, двух оппозиций, выступающих в рассказе как единое целое, ибо «смерть тоже принадлежит жизни»⁴¹, что объясняет сосуществование героев со смертью. Примером является то, что Александр «свое обещание выполнил: фарфоровая коробочка, полная зернисто-белого порошка, стояла в столе»⁴². То есть он, согласившись дать Алисе большую дозу снотворного, сначала пожелал взять на себя «заботу о ее здоровье»⁴³, а потом приблизил ее к смерти. Парадоксально, но именно через смерть главная героиня обрела надежду на жизнь. Стоит подчеркнуть, что, по словам Елены Кузнецовой, проза Улицкой есть

³⁶ М. Кнуровская, *Религиозный эклектизм в прозе Людмилы Улицкой*, «Przegląd Rusycystyczny» 2013, № 2 (142), с. 110.

³⁷ Там же, с. 110.

³⁸ Z. Kusa, A. Kusu, *Иудео-христианский казус в романе Людмилы Улицкой Даниэль Штайн, переводчик*, «Iudaica Russica» 2019, № 2 (3), с. 54.

³⁹ J. Żukowska-Łyko, *Mroczny Szeol, niebiański Eden. Śmierć w kulturze judaistycznej*, <https://histmag.org/mroczny-szeol-niebianski-eden-smierc-w-kulturze-judaistycznej-13784> (17.11.2022).

⁴⁰ Там же, (17.11.2022).

⁴¹ М. Башмакова, *Людмила Улицкая: «Смерть тоже принадлежит жизни»*, <https://novayagazeta.spb.ru/articles/12363/> (17.11.2022).

⁴² Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 21.

⁴³ Там же, с. 18.

[...] мифологическая, народная идея, которую лучше всего выразил в XX веке Бахтин: смерть не есть самостоятельное, отдельное явление, она включена в колесницу перерождений, неотделима от жизни⁴⁴.

Немаловажно, что чувство главных героев стало положительным эмоциональным «прорывом» не только для Алисы, но и для Ефимовича, живущего уже три года в одиночестве. Вдовец, потерявший любовь всей своей жизни, только при Алисе почувствовал себя непринужденно и по-настоящему хорошо:

Александр Ефимович, проживший всю жизнь с женщиной могучей и требовательной, обширной в потребностях, неутомимой в разнообразных и взаимоисключающих желаниях, впервые обнаружил, что рядом с женщиной можно быть свободным от неиссякаемой женской власти⁴⁵.

Как видим, главная героиня дала ему надежду на раскрытие истинной сущности любви, представленной в рассказе в позднем ее проявлении (ведь главные герои — люди преклонного возраста). Их чувства расцвели так сильно, что в итоге Алиса и Александр расписались, а к этому «заметно помолодели»⁴⁶. Вероятно, в произведении главным двигателем положительных моментов жизни является именно надежда. Благодаря ей герои начинают менять свой взгляд на окружающую действительность, а между ними вспыхивает и расцветает любовь. Изменение жизни героини под влиянием этого большого чувства позволяет провести параллель с главной героиней ранней повести Улицкой — Сонечкой. Именно в *Сонечке* героиня под влиянием Роберта Викторовича смогла избавиться от всей прошлой жизни и отдаться мужу, стремясь дать ему настоящую и счастливую семью. Алиса также создала с Александром новый теплый дом, в котором она чувствовала себя хорошо, как никогда раньше.

При исследовании хода событий в рассказе выявлено, что с помощью созданного таким образом сюжета формируется еще одна степень проявления надежды. Улицкая показывает читателям «врата» надежды, которые где-то существуют, точно так же, как и некий выход из текущих проблем⁴⁷. В момент же кризи-

⁴⁴ Е. Кузнецова, *Кого и зачем убила лауреат «Русского Букера» в новой книге*, <https://calendar.fontanka.ru/articles/8929/> (17.11.2022).

⁴⁵ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 19.

⁴⁶ Там же, с. 22.

⁴⁷ S. Rebecca, *Nadzieja w mroku...*, с. 66.

са, одиночества и нежелания жить, чувства, настоящая любовь и прежде всего действие могут все перевернуть к лучшему. Писательница постоянно пытается «освоить» читателя с темой смерти, которая чаще всего вызывает в людях страх, показывая ее неизбежное пришествие и описывая со всеми деталями. В рассказе *Алиса покупает смерть* Улицкая рассуждает о смерти сквозь призму разных традиций, прежде всего религиозных, одобряющих эту неизбежную станцию нашей земной жизни. Важно, что в понимании христианства смерть не является полным концом, — это всего лишь разрушение тела (формы бытия)⁴⁸. На земле человек избавляется от «одежды», в которую облачена душа, то есть от тела. Дело в том, что человеческое «я» скрыто внутри души, поэтому смерть является символом перехода к дальнейшей новой жизни. Подобные идеи о смерти выражены в иудаизме, который предполагает, что одна из трех форм человеческой души (*neszama*), благодаря милости Творца, сможет к Нему вернуться, и будет дальше существовать, даже после смерти тела⁴⁹. В иудейской культуре тело является лишь «сосудом» для души, благодаря которому она имеет цель жизни. Однако само тело цели «жизни» не имеет, поэтому «я» — это душа и тело⁵⁰. Если смотреть на уход из земного мира с такой перспективы, то смерть не должна являться чем-то ужасающим. Приучая себя к мысли, что каждый когда-нибудь умрет, человек сможет принять ее как неотъемлемую часть своей жизни. В своем новом творчестве Улицкая, говоря о смерти и предчувствуя, что «эта точка жизни приближается»⁵¹, основывает свои размышления на христианской и иудейской религии, поскольку хочет показать, что уход из мира представляется пунктом, который невозможно обойти и который, однако, является не завершением, а лишь новым началом. Прочтение рассказа, наполненного конститутантами «общественного и индивидуального бытия»⁵², позволяет задуматься о бытийной природе человека, а также определенным образом приводит к ощущению надежды на перемены и счастливое пребывание как в этом мире, так и за ее пределами.

⁴⁸ М. Świągost, *Czym jesteś, o śmierci?!: rozważania na temat śmierci w kontekście filozofii i religii*, «Maska» 2009, № 5 (5), с. 107.

⁴⁹ J. Żukowska-Łyko, *Mroczny Szeol, niebiański Eden...*

⁵⁰ Там же.

⁵¹ М. Башмакова, *Людмила Улицкая: «Смерть тоже принадлежит жизни»...*

⁵² С.В. Омарбекова, *Вера, надежда и любовь...*, с. 18.

Нельзя также упускать из виду тот факт, что в рассказе *Алиса покупает смерть* мастер «прозы нюансов» затрагивает тему круга жизни и вращающегося круговорота смерти и рождения. Поэтому, как уже упоминалось, категория надежды в произведении воплощается двумя ключевыми категориями: жизнью и смертью. Это вполне объяснимо в контексте религиозно-философского учения о духовном пробуждении, к которому в этом рассказе относится Улицкая. Ведь идея «круговорота перерождений, вечного возвращения человеческих душ на Землю предопределила контекстуальную специфику буддизма»⁵³.

После потери первой жены, Александр Ефимович жил «[...] с младшей незамужней дочерью Мариной, не совсем здоровой и не вполне благополучной. Старшая Аня, здоровая и благополучная, давно жила отдельно с мужем и двумя детьми-школьниками»⁵⁴. В тот момент, когда Алиса узнала об этом, она еще не ожидала, что младшая дочь ее мужа — Марина — так сильно изменит ее жизнь. После тихого и скромного бракосочетания главных героев «к весне открылось еще одно непредвиденное и маловероятное событие: младшая дочь Александра Ефимовича Марина в свои неполные сорок лет забеременела»⁵⁵. Это событие бесспорно шокировало и самого Александра, тем не менее дало ему надежду на отсутствие одиночества дочери, когда его уже не будет в этом мире. Ребенок, которого через четыре месяца должна была родить дочь, стал надеждой для отца, уверовавшего, что он принесет дочери счастье в будущем. Однако новая жизнь, являющаяся настоящей благодатью для всей семьи, толкнула в движение круг и рождения и смерти.

Когда уже наступило время родов, радостный Александр Ефимович хотел навестить Марину в роддоме:

Он вышел из дому [...] на пустую улицу в замершее послеобеденное время с цветами и пластиковым пакетом с продуктами. На автобусной остановке стояла реденькая толпа. В этот момент ехавшая посреди улицы на большой скорости черная машина столкнулась с другой, такой же большой и черной, и ее вынесло на тротуар. Машина уткнулась в фонарный

⁵³ О.В. Здрева, *О природе циклического времени в Восточной культуро-философской парадигме*, «Аналитика культурологии» 2009, № 15, <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prirode-tsiklicheskogo-vremeni-v-vostochnoy-kulturofilosofskoy-paradigme-1/viewer> (17.11.2022).

⁵⁴ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 19.

⁵⁵ Там же, с. 22.

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ КАТЕГОРИИ НАДЕЖДЫ...

столб, сбив по дороге трех человек из очереди. Одного, с букетом цветов, насмерть...⁵⁶.

Таким образом, две важнейшие категории, то есть, жизнь и смерть, замкнули непрерывный круг: одна жизнь только что родилась, а другая ушла из земного мира. Это событие иллюстрирует то, о чем упоминалось выше, — Улицкая в своем рассказе показывает круговорот жизни и смерти. И хотя кажется, что такое происшествие является началом печального конца, дальнейшие события покажут счастливый итог и жизнеутверждающий характер произведения. Такое принятие смерти становится дополнительным подтверждением осуществления в рассказе учения буддизма. Прочтение смерти Ефимовича через призму дхармической религии объясняет, почему это событие не принесло Алисе страданий. Ведь именно в буддизме «жизнь и смерть воспринимаются как единство, в котором конец одной из стадий есть только началом другой»⁵⁷.

Алиса восприняла известие о смерти мужа со стоическим спокойствием; помимо этого, она знала, что сейчас больше внимания ей придется уделить Марине, а прежде всего новорожденной — внучке Александре. У Марины после смерти отца «начался острый психоз»⁵⁸, поэтому она попала в Психиатрическую больницу им. П.П. Кащенко, а заботу о ее дочке взяла на себя Алиса. Шестидесятипятилетняя женщина, попав в ситуацию, о которой за всю свою жизнь даже не думала, вдруг стала сводной матерью младенца. Она хотела уберечь себя и свое тело от неминуемо надвигающегося конца и сделала все, чтобы он не был трудным и болезненным, а в результате собственного выбора, прежде всего ощущения любви, получила надежду и шанс на новую жизнь. Под влиянием новых обстоятельств больше не думала о наполненной лекарствами фарфоровой коробочке, отказалась от самоубийства и начала действовать согласно убеждению, что надежда становится силой, стимулирующей настоящее⁵⁹. И хотя предчувствуя, что «счастье ее с Александром Ефимовичем будет недолгим»⁶⁰, Алиса не думала о новом начале, которое получит

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ A. Sikora, *Tybetańska koncepcja śmierci*, «Anthropos» 2003 № 1, с. 86–91, <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=283457> (17.11.2022).

⁵⁸ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 22.

⁵⁹ S. Rebecca, *Nadzieja w troku...*, с. 185.

⁶⁰ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 22.

благодаря ребенку. Как видим, в произведении осуществился, среди прочего, христианский смысл перехода от смерти к новой жизни. Ведь именно повторное пришествие Христа и воскресение дает верующим величайшую в их жизни надежду. И хотя это не Алиса ушла из этого мира, можно отождествить смерть ее мужа с утратой земного лика, так как, согласно буддизму, «ум нашего нынешнего воплощения происходит от ума предыдущего воплощения и является причинной причиной для ума следующего воплощения»⁶¹.

Подводя итоги сказанному выше, необходимо заметить, что анализируемый рассказ, наполненный христианскими, иудейскими и буддийскими элементами, позволяет глубоко вникнуть в сущность человеческого существования. Жизнеутверждающая категория надежды, ключевая в произведении Улицкой, осуществляется в разных аспектах и до самого конца стимулирует бинарные оппозиции: жизнь и смерть, выбор и необходимость, любовь и одиночество, которые не мешают друг другу, а, наоборот, напоминают, что одно невозможно без другого. Анализ рассказа, сосредоточенный вокруг надежды, как категории побуждающей к действию, показал, что ее присутствие стало механизмом движения всех действий героев. Надежда сначала (парадоксально) на смерть, а позже — на счастье, любовь и новую жизнь дала Алисе и Александру возможность перейти границы своей души, а также воплотить духовное в телесной сфере.

Развивающийся с самого начала в рассказе *Алиса покупает смерть* драматизм событий принес в конце концов оптимистический финал, подтверждающий силу надежды, которая подталкивает любовь и не позволяет так быстро прийти смерти. Улицкая, сосредоточенная вокруг темы души и тела, путем объединения ценностей религиозных верований создала философское пространство, дающее возможность для размышлений над жизнью и неразрывно связанной с ней смертью, которой не стоит опасаться.

⁶¹ A. Sikora, *Tybetańska koncepcja śmierci...*

REFERENCES

- Abdullina, Amina Shakir'yanovna, and Latypova, Yelenaeduardovna. "Zhenskiye obrazy v proze L. Ulitskoy." *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 2017, no. 3 (399): 7–14. [Абдуллина, Амина Шакирьяновна, и Латыпова, Елена Эдуардовна. "Женские образы в прозе Л. Улицкой." *Вестник Челябинского государственного университета* 2017, no. 3 (399): 7–14].
- Bashmakova, Mariya. *Lyudmila Ulitskaya: "Smert' tozhe prinadlezhit zhizni"*. <<https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/17/82761-lyudmila-ulitskaya-smert-tozhe-prinadlezhit-zhizni>> [Башмакова, Мария. *Людмила Улицкая: «Смерть тоже принадлежит жизни»*].
- Bukolova, Varvara Sergeevna. *Literaturocentrichnost' prozy Lyudmily Evgen'evny Ulitskoj (intertekstual'nyj aspekt)*. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologičeskikh nauk. Tambow, 2017 [Вуколова, Варвара Сергеевна. *Литературоцентричность прозы Людмилы Евгеньевны Улицкой (интертекстуальный аспект)*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тамбов, 2017].
- Havel, Václav. *Disturbing the Peace: A Conversation with Karel Hvizdala*. Transl. Wilson, Paul. New York: Alfred A. Knopf, 1990.
- Knurowska, Monika. "Geroi etnicheski 'drugiye' v rasskazakh Lyudmily Ulitskoy." *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis 154. Studia Russologica* 2013, no. 6: 91–104 [Кнуrowska, Monika. "Герои этнически «другие» в рассказах Людмилы Улицкой." *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis 154. Studia Russologica* 2013, no. 6: 91–104].
- Knurowska, Monika. "Religiozny eklektizm v proze Lyudmily Ulitskoy." *Przeegląd Rusycystyczny* 2013, no. 2 (142): 102–111 [Кнуrowska, Monika. "Религиозный эклектизм в прозе Людмилы Улицкой." *Przeegląd Rusycystyczny* 2013, no. 2 (142): 102–111].
- Kononova, Yelena Serneyevna. "Ob evolyutsii ponyatiyanadezhdy." *Nauchnyye vedomosti* 2010, no. 20 (91): 226–234 [Кононова, Елена Сернеевна. "Об эволюции понятия надежды." *Научные ведомости* 2010, no. 20 (91): 226–234].
- Kovriga, Yuliya Vladimirovna. *Osobennosti osmysleniya tvorchestva Lyudmily Ulitskoy sovremennoy kritikoy*. <<https://md-eksperiment.org/post/20190120-osobennosti-osmysleniya-tvorchestva-lyudmily-ulickoj>> [Коврига, Юлия Владимировна. *Особенности осмысления творчества Людмилы Улицкой современной критикой*].
- Kusa, Zoja, and Kucu, Aleksy. "Iudeo-khristianskiy kazus v romane Lyudmily Ulitskoj-daniel' Shtayn, perevodchik." *IUDAICA RUSSICA* 2019, no. 2 (3): 54–70 [Куса, Zoja, and Kucu, Aleksy. "Иудео-христианский казус в романе Людмилы Улицкой Даниэль Штайн, переводчик." *IUDAICA RUSSICA* 2019, no. 2 (3): 54–70].
- Kuznetsov, Valeriy Grigor'yeovich (Ed). *Slovar' filosofskikh terminov*. Moskva: INFRAM, 2007 [Кузнецов, Валерий Григорьевич (Ред.). *Словарь философских терминов*. Москва: INFRAM, 2007].
- Kuznetsova, Yelena. *Kogo i zachem ubila laureat 'Russkogo Bukera' v novoy knige*. <<https://calendar.fontanka.ru/articles/8929/>> [Кузнецова, Елена. *Кого и зачем убил лауреат «Русского Букера» в новой книге*].
- Leyderman, Naum Lazarevich, and Lipovetskiy, Mark Naumovich (Eds). *Sovremennaya russkaya literatura: v 3 kn. Kn. 3: V kontse veka (1986–1900-ye gody)*. Moskva: Editorial URSS, 2001 [Лейдерман, Наум Лазаревич, и Липовецкий, Mark Naumovich (Eds). *Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986–1900-е годы)*. Москва: Editorial URSS, 2001].

- Марк Наумович (Ред.). *Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986–1900-е годы)*. Москва: Эдиториал УРСС, 2001].
- Leyderman, Naum Lazarevich, and Lipovetskiy, Mark Naumovich (Eds). *Sovremennaya russkaya literatura 1950–1990-ye gody v dvukh tomakh. Tom 2 1968–1990*. Moskva: Akademiya, 2003 [Лейдерман, Наум Лазаревич, и Липовецкий, Марк Наумович (Ред.). *Современная русская литература 1950–1990-е годы в двух томах. Том 2 1968–1990*. Москва: Академия, 2003].
- Omarbekova, Suvarzhat Vladimirovna. “Vera, nadezhda i lyubov’ kak ekzistentsialny chelovecheskogo bytiya.” *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* 2010, no. 11: 17–24 [Омарбекова, Суваржат Владимировна. “Вера, надежда и любовь как экзистенциалы человеческого бытия.” *Система ценностей современного общества* 2010, no. 11: 17–24].
- Prokhorova, Tat’yana Gennad’yevna. “K voprosu o neosentimentalizme v sovremennoy russkoy proze (na materiale tvorchestva L. Ulitskoy i L. Petrushevskoy).” *Dergachevskiy chteniya* — 2011, 2012, t. 2: 307–315 [Прохорова, Татьяна Геннадьевна. “К вопросу о неосентиментализме в современной русской прозе (на материале творчества Л. Улицкой и Л. Петрушевской).” *Дергачевские чтения* — 2011, 2012, т. 2: 307–315].
- Sikora, Aleksandra. *Tybetańska koncepcja śmierci*. “Anthropos?” 2003, no. 1: 86–91 <<https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=283457>>.
- Solnit, Rebecca. *Nadzieja w mroku. Nieznane opowieści, niebywale możliwości*. Transl. Dzierzowska, Anna and Królak, Sławomir. Kraków: Karakter, 2019.
- Strzelecki, Ryszard. “Nadzieja chrześcijańska w ponowoczesnym świecie (istota — utrata — przywracanie).” *Dydaktyka polonistyczna* 2019, no. 5 (14): 7–24.
- Świgost, Magdalena. “Czym jesteś, o śmierci?!: rozważania na temat śmierci w kontekście filozofii i religii.” *Maska* 2009, no. 5 (5): 99–110.
- Ulitskaya, Lyudmila Yevgen’yevna. “Alisa pokupayet smert’.” *O tele dushi. Novyye rasskazy*. Ulitskaya, Lyudmila Yevgen’yevna. Moskva: АСТ, 2019 [Улицкая, Людмила Евгеньевна. “Алиса покупает смерть.” *О теле души. Новые рассказы*. Улицкая, Людмила Евгеньевна. Москва: АСТ, 2019].
- Ulitskaya, Lyudmila Yevgen’yevna. *Lyudmila Ulitskaya rasskazyvayet o knige ‘O tele dushi. Novyye rasskazy’*. <<https://www.youtube.com/watch?v=tKhxwaT-fGFw>> [Улицкая, Людмила Евгеньевна. *Людмила Улицкая рассказывает о книге «О теле души. Новые рассказы»*].
- Wasińczuk, Katarzyna. “V ob’yatnyakh zhizni, za predelami smerti. Antropologicheskiye i dukhovnyye aspekty prozy Lyudmily Ulitskoy (Kazus Kukotskogo, Daniel’ Shtayn, Perevodchik).” *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia przyszłości*. Supa, Wanda, and Pańkowska, Ewa (Eds). Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2018. <<http://hdl.handle.net/11320/11491>> [Wasińczuk, Katarzyna. “В объятиях жизни, за пределами смерти. Антропологические и духовные аспекты прозы Людмилы Улицкой (Казус Кукоцкого, Даниэль Штайн, Переводчик).” *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia przyszłości*. Supa, Wanda, and Pańkowska, Ewa (Eds). Białystok, 2018].
- Yermoshina, Galina. “Lyudmila Ulitskaya. Puteshestviye vsed’muyu storonu sveta.” *Znaniya* 2000, no. 12: 201 [Ермошина, Галина. “Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света.” *Знания* 2000, no. 12: 201].
- Zdereva, Ol’ga Viktorovna. “O prirode tsiklicheskogovremeni v Vostochnoy kul’turofilosofskoy paradigme.” *Analitika kul’turologii* 2009, no. 15. <[64 |](https://cyber-</p>
</div>
<div data-bbox=)

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ КАТЕГОРИИ НАДЕЖДЫ...

- leninka.ru/article/n/o-prirode-tsiklicheskogo-vremeni-v-vostochnoy-kulturo-filosofskoy-paradigme-1/viewer>. [Здерева, Ольга Викторовна. “О природе циклического времени в Восточной культурофилософской парадигме.” *Аналитика культурологии* 2009, no. 15].
- Zhelobtsova, Svetlana Fedotovna, and Barashkova, Svetlana Nikolayevna. “Osobennosti povestvovatel’noy struktury novoy prozy Lyudmily Ulitskoy.” *Vestnik Severo- Vostochnogo federal’nogo universiteta im. M.K. Ammosova* 2021, no. 3 (83): 68–72 [Желобцова, Светлана Федотовна, и Барашкова, Светлана Николаевна. “Особенности повествовательной структуры новой прозы Людмилы Улицкой.” *Вестник Северо- Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова* 2021, no. 3 (83): 68–72].
- Żukowska-Łyko, Justyna. *Mroczny Szeol, niebiański Eden. Śmierć w kulturze judaistycznej*. <<https://histmag.org/mroczny-szeol-niebianki-eden-smierc-w-kulturze-judaistycznej-13784>>.